

Игумен Дамаскин (Орловский),
секретарь Синодальной комиссии по канонизации святых,
клирик города Москвы

Сложности изучения судебно-следственных дел, имеющего целью – включение имени пострадавшего священнослужителя или мирянина в собор новомучеников и исповедников российских

Обычно доклады, связанные с канонизацией, со святыми, с мучениками, построены на изучении их нравственного и духовного подвига и, прежде всего, подвига веры. Но в данном случае, поскольку мы исследуем сложности изучения судебно-следственных дел, изучаемых с целью включения имен пострадавших в Собор новомучеников и исповедников Российских, нам придется в той или иной степени говорить о случаях нравственных падений.

Чтобы не ошибиться в выводах, надо четко определить, в каких границах находится поле нашего исследования и, главное, какую конечную задачу мы при этом ставим. Если бы мы ограничивались изучением судебно-следственных дел, как источника по изучению истории, то мы оказывались бы в границах обычного научного исследования, когда уточнение и даже смена гипотезы является вполне естественным явлением в науке. Однако вторая половина формулировки, когда мы ставим своей целью конкретную задачу – включение имени пострадавшего, материалы о котором мы изучаем, в Собор новомучеников – совершенно меняет дело, потому что касается уже не только исторической науки, но и церковного предания, когда научные методы изучения являются всего лишь инструментом, а результатом – могущее быть выявление или повреждение церковного предания. Разница между историческим исследованием и исследованием, в результате которого может состояться канонизация пострадавшего священнослужителя или мирянина, оказывается в этом случае весьма значительной. Поэтому при изучении предмета, имеющего столь далеко идущую цель, надо дать себе ясно отчет, в какой области происходят наши исследования, с какими областями соприкасаются, ибо некоторая неполнота данных в историческом исследовании, имеющем своей целью изучение того или иного периода истории, может и не иметь существенного значения; но в области, где речь идет о прославлении святых, недостаток сведений может оказаться имеющим решающее значение. Канонизация связана, прежде всего, с личностью человека; следствием неполноты исследования могут быть открытия таких исторических сюжетов и в рамках их совершенных человеком поступков, которые уже могут стать непреодолимым препятствием для канонизации. Исследуя XX век, нельзя забывать, что этот век для России и живших в ней миллионов людей являлся веком крайнего напряжения и испытания. Однако крайние испытания выдерживают, проходят до конца и не ломаются не миллионы, а в лучшем случае тысячи людей.

Одна из существенных трудностей изучения жизни мучеников и исповедников XX столетия заключается в том, что репрессии против Церкви не были нацелены исключительно на Церковь и не были выделены из общего процесса репрессий против народов России. Если в Римской империи гонения были направлены исключительно на христиан, и между гонениями от власти и гонениями против христиан можно поставить почти знак равенства, то репрессии в России в первой половине XX столетия не были направлены только лишь на одних христиан. Равным образом они были направлены и на различные сословия и социальные группы – купечество, военное сословие, бывших служащих жандармерии, среднего достатка крестьян, дворян – иногда вовсе и не имеющих отношения к Церкви, и, только среди прочих, – духовного сословия. В России в XX столетии радикальными правителями уничтожалась не только Русская Православная Церковь, но и вся структура

государственного устройства дореволюционной России, и духовное сословие преследовалось и уничтожалось здесь наравне с другими. Если бы ситуация была сходна с гонениями в Римской империи, когда христиане были поставлены вне закона, но, когда законом же христианским священнослужителям под угрозой смертной казни предлагалось прекратить священнослужение, отречься от носимого сана, тогда один отказ подчиниться этому, с точки зрения римлян законному требованию, со всеми последствиями такого отказа мы бы расценили как исповедничество. Однако, советское законодательство было таково, что если Церковь, как общественная организация, и была лишена прав юридического лица и на ее деятельность, как общественной организации, был наложен запрет, то отдельному священнослужителю в рамках прав «служителя культа» была дана законом некоторая свобода, он был ограничен в правах, но не был поставлен вне закона, как христианский священнослужитель. Как «служитель культа», он был вместе с частью крестьян лишен гражданских прав, но ему было оставлено право служить на установленной законом территории, то есть в пределах стен храма. Многие из священников, несмотря на то, что законы часто тогда фактически нарушались, все же полагались на них, не веря в возможность коренной устремленности власти искоренить религию, и потому не всегда можно точно определить, почему священник продолжал служить в храме: потому ли, что полагал, что ему государством оставлено это право, или потому, что, зная, что ожидает его впереди, принимал крест исповедничества. И потому нельзя поставить знак равенства между репрессией, которой подвергался тот или иной человек, и исповедничеством. Требуется более глубокое личностное исследование жизни христианского подвижника – был ли в действительности в том или ином случае подвиг исповедничества или человек оказался всего лишь смятенным грозно поднявшейся волной вместе с сотнями тысяч других людей, из которых множество не имели даже никакого отношения к христианству.

Обычно для историка достаточно изучить наличие фактов арестов, сколько и где, в каком году меньше и в каком году больше, общее положение дел с позиции разных характеристик, законодательную базу, степень расхождения между писаными законами и различными инструкциями. Для церковного историка, занимающегося изучением судебно-следственных дел с целью включения имени пострадавшего священнослужителя или мирянина в Собор новомучеников и исповедников Российских, становится важным, и в каком-то смысле выступает на первый план, изучение личности человека, его христианской позиции, отношения к вере, к людям, к миру, изучение человека под углом зрения христианской веры – насколько он оставался верен Церкви или был к ней равнодушен. Историк, изучающий материалы судебно-следственных дел с целью написания истории Церкви или истории страны в XX столетии, или описывающий историю епархии, или храма, пользуясь этими материалами, может выяснить, когда и кто здесь служил, когда храм был закрыт, то есть почерпнуть сведения, содержащиеся обычно в послужных списках, которыми в некотором роде и станут для него следственные дела. Ему в рамках его задачи не нужно изучать личность священнослужителя, вникать, что он был за человек, какой позиции он держался на допросах, чем руководствовался, занимая ту или иную позицию; он лишь почерпнет из материалов следствия установочную информацию о людях для своего труда. Когда речь идет о канонизации святых, то вместе с исторической канвой изучается нравственная сторона жизни пострадавшего священнослужителя или мирянина, то есть, в наиболее полном объеме изучается то, что теперь стало принято называть персональной информацией, доступ к которой, однако, в настоящее время строго регламентирован законом.

Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» (2004) вводит ограничения на доступ к архивным документам, содержащим сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законодательством Российской Федерации тайну (ст.

25-2), а также к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, к сведениям, создающим угрозу для его безопасности на срок 75 лет со дня создания указанных документов (ст. 25-3).

В настоящее время в российском законодательстве отсутствует общеправовое понятие тайны. Это открыло возможность в правоприменительной практике довольно свободно интерпретировать понятия государственной, личной, семейной тайны, в частности, применительно к информации архивных документов о человеке. Ссылаясь на ст. 25 ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» (2004), а также на принятые в 2006 году «Закон об информации, информационных технологиях и защите информации» и «Закон о персональных данных», государственные архивы по существу исключили из источниковой базы исторической науки документы, содержащие сведения о человеке, в том числе и те, которые не находятся на секретном хранении.

Если целью нашего изучения является включение в Собор новомучеников и исповедников Российских имени пострадавшего священнослужителя или мирянина, необходимо ответить на следующие вопросы, расположенные нами по степени сложности изучения материалов: 1) будучи арестован, не являлся ли человек лжесвидетелем против себя или других лиц; 2) не был ли он обновленцем или григорианцем, или принадлежавшим, например, к лубенскому расколу; 3) не отказывался ли от сана с похулением Церкви и сана; 4) нет ли препятствий к канонизации, находящихся в области нравственной; 5) не привлекался ли он в качестве свидетеля к делам по обвинению других лиц и не выступал ли он в этом случае против них как лжесвидетель; 6) не являлся ли священнослужитель или мирянин секретным сотрудником НКВД.

Первый пункт исследования – не являлся ли священнослужитель или мирянин лжесвидетелем против себя или других – на первый взгляд кажется самым простым. Здесь изучаются только те судебно-следственные дела, по которым проходит сам обвиняемый. Когда человек оговаривает себя или других, подписываясь под теми или иными ложными обвинениями, вопрос более или менее ясен. Естественно, что такого рода признание своей подписью написанного в протоколах допросов является актом малодушия, духовным поражением исповедника. Мы, конечно же, сразу высказываем предположение, исходя из общих представлений о минувшей эпохе, забывая, что обобщенное представление о ней не применимо к конкретному случаю и не может служить доказательством, что, если в одном случае происходило так, то и в другом случае будет происходить так же, что к исповеднику были применены самые ужасные пытки, какие применялись в первые века гонений на христиан. Хотя и применение пыток и проявленное поэтому малодушие, понятное по человечеству, несколько не оправдывает исповедника как человека веры. Но даже и пытки применяли далеко не всегда. Во всем признавший себя виновным архиепископ Варлаам (Ряшенцев), дал показания против двух десятков людей, их оговорив; это позволило следствию поставить их под свой надзор в качестве будущих жертв. Сам архиепископ был приговорен в 1941 году к расстрелу. В своем объяснении случившегося после объявления ему приговора архиепископ Варлаам писал: «Вменяемое мне приговором Вологодского областного суда устройство организации против советской власти не соответствует действительности. Правда, я не отрицал наличие у меня организации, но не сразу, а после многочисленных настояний на этом со стороны следователя. Природная уступчивость и нежелание расстраивать добрые отношения со следователями побудили меня сделать это»¹. Ясно, что подследственный находился в это время в каком-то заблуждении относительно окружающей его действительности. Как может человек в своих поступках, и может быть самых существенных для спасения своей души, опираться на свои природные качества, которые давно должны были бы преобразиться и измениться за время прохождения им христианского земного пути. Находящийся в ясном сознании человек не будет подписывать

документов, где он обвиняется в самых чудовищных преступлениях, хотя бы потому, что это чревато для него серьезными последствиями в виде сурового приговора, как государственного преступника. Из приведенного отрывка из судебно-следственного дела архиепископа Варлаама (Ряшенцева) видно, что подписи под протоколами, в которых оговаривалось множество людей, поставлены им самим вполне добровольно и без применения какого-либо насилия. Большого насилия над человеком, чем мир его собственных помыслов, никто на человека оказать не может. Среди многих современных людей бытует не научная, далекая от действительности, по сути обывательская точка зрения, что во время следствия в 1930-х годах следователи расписывались под протоколами за обвиняемых. Мы знаем, что бывало, – написанные следователем протоколы допросов обвиняемый не подписал, мы видим, что вместо подписи не умеющие читать и писать обвиняемые ставили крест или отпечаток пальца, причем под протоколами, где они никого не оговаривают и не признают себя виновными. В подделке подписи обвиняемых в те годы не было ни малейшей нужды, потому что признавался ли арестованный в возводимых на него обвинениях или не признавался, к делу всегда привлекались два или больше штатных свидетеля, которые безропотно ставили подписи под написанными следователем показаниями.

Следует отметить, что при изучении судебно-следственного дела в рамках первого пункта выясняется, что очень большая часть дел информационно настолько скудны, что дают поводы для разного рода интерпретаций. В таких случаях добросовестный и профессиональный исследователь должен по совести отложить изучаемый материал и прямо себе заявить, что для ясных выводов нет достаточных данных, как бы сделал любой ученый в области естественных наук – нет достаточного материала для научных выводов и нет. Но церковный историк для истолкования фактов часто использует сомнительную в данном случае область психологии, пытаясь, по сути, заменить факты схемами.

Священник Никита Котенев, 1882 г.р. Арестован был один раз в 1937 году². На допросе 30 июля 1937 года на предъявленное ему обвинение, признает ли он себя виновным, что вел среди населения контрреволюционную антисоветскую деятельность, отвечает четко и ясно: «Виновным себя в предъявленном мне обвинении я не признаю»³. На следующем допросе, 9 августа, его снова спрашивают, признает ли он себя виновным в предъявленном ему обвинении, и он также отвечает, что не признает. Тогда ему показывают черновик его письма правящему архиерею, которое было им написано незадолго до всероссийской переписи населения 6 января 1937 года, когда более 42 % населения причислили себя к православным⁴.

Исследователь интерпретирует это письмо так: «этим письмом священник, можно сказать, выписал себе “приглашение на казнь”. А тем, что на допросе признал подлинность документа – сделал уверенный шаг к расстрельной статье»⁵. Однако внимательное изучение этого документа свидетельствует несколько о другом. В написанном священником письме выражаются сомнения перед епископом, нужно ли ему ставить свою подпись, если в анкете будет вопрос – верующий он или не верующий, то есть, священник спрашивает благословения епископа – исповедовать ли ему веру, если о том нужно будет свидетельствовать письменным образом, или нет. Думаем, что если и получил епископ такое письмо, то только удивился ему и вряд ли стал отвечать. И саму готовность исповедовать веру священник Никита выразил в этом письме с некоторой долей колебания: «...я, конечно, за веру готов умереть, но если они не обманут... Вы сами знаете, что они все делают на обмане»⁶. Видится странным само сопоставление – своего исповедания веры с еще только предполагаемым обманом властей. Исповедание веры становится для него менее значимо, чем гипотетически быть обманутым властями, при этом неясно, каким

образом и как. Уже в черновике этого письма к епископу заложена возможность признания им ложного обвинения.

Прочитав предъявленный ему следователем черновик письма, отец Никита признал, что письмо является документом контрреволюционным. И на вопрос, признает ли он себя теперь виновным в предъявленном ему обвинении, уже отвечал: «В предъявленном мне обвинении виновным себя признаю. Записано с моих слов правильно и мне прочитано, в чем и расписываюсь»⁷.

В скудных фактах, изложенных в деле, последовательность событий и их последствия ясны. Сначала предъявлено обвинение, и священник не признал себя виновным, зная, что он ни в чем перед властью не виноват, и, может быть, еще и догадываясь о последствиях признания ложного обвинения. Затем ему предъявлена написанная им записка, ничего контрреволюционного не содержащая, но для него самого оказавшаяся «важным документом», к которому следствие может прицепиться. В результате он признает себя виновным. Однако ясно, что какие бы документы, письма, проповеди и т.п. не нашли следователи, если ты не виновен в предъявляемом тебе обвинении и тебе не страшно сказать правду, что ты не виновен, то и с письмами, и без писем человек не станет себя оговаривать и клеветать на себя, разве что он свои помыслы признаёт за серьезное и действительное государственное преступление. Ясно, что в данном случае мы имеем дело с малодушием, проявившимся после нахождения маловажного в плане объективных доказательств вины священника документа, но оказавшегося для него лично очень существенным. Случай, о котором в быту мы говорим: зная запутался человек.

Однако, исследователь, не имея никаких дополнительных данных, кроме вышеперечисленных, домысливая ту внутреннюю интеллектуальную работу, которую должен был будто бы произвести обвиняемый, делает такой вывод: «В ходе следствия иерей Никита Котенев разобрался в “тонкостях” советского законодательства. Вера в Бога воспринималась теми блюстителями закона, с которыми он столкнулся, как контрреволюционность. А дела веры – как контрреволюционная деятельность. Следовательно, перед таким законом священник счел возможным признать свою вину, чтобы иметь надежду на оправдание перед Законом Божиим»⁸.

Исходя из этой логики, имена всех, признавших себя во время следствия виновными, мы должны включить в Собор новомучеников и соответственно всех, не признавших себя виновными и не согласившихся с тем, в чем их оговаривают, исключить из Собора.

В самих материалах этого судебно-следственного дела нет и близко фактов, чтобы мы могли сделать подобный вывод. Вывод может быть только такой: или сам материал судебно-следственных дел объективно очень сложен для адекватного прочтения (что мы в иных случаях и не исключаем), или мы не подготовлены к точному прочтению такого рода документов.

Одна из существенных трудностей, с которой сталкивается исследователь при выяснении вопроса – лжесвидетельствовал ли обвиняемый против себя или других, – это отсутствие всех судебно-следственных дел – от первого ареста и до последнего. Поиск всех дел задача непростая, так как ГИЦ МВД, если мы делаем запрос, не дает нам гарантированный ответ обо всех бывших арестах священнослужителей или мирян. Здесь сказался, прежде всего, фактор огромного числа репрессированных при советской власти, и при таком количестве неизбежность неточностей. Число арестов и их годы обычно указывались в анкете, которую заполнял следователь зачастую со слов подследственного. В эту анкету далеко не всегда были внесены все аресты. Большое число арестов делало подследственного в глазах следователя закоренелым преступником, чего он старался избежать. Однако, хотя бы и одно из не найденных судебно-следственных дел по существу является препятствием для включения имени пострадавшего в Собор новомучеников и

исповедников, так как в нем могут оказаться факты лжесвидетельства против себя или других. Таким образом, с самого начала исследования жизни репрессированного священнослужителя или мирянина мы попадаем в очень непростое положение – мы изучаем жизнь человека, исходя из судебно-следственных дел, которые как основной фактический материал могут таить в себе значительную неполноту, за которой могут скрываться факты, препятствующие канонизации.

Чтобы показать, насколько важно исследовать все судебно-следственные дела в отношении каждого отдельного человека и насколько впечатление, которое мы получаем от частичного изучения их, может быть обманчиво, как, собственно, бывает и в жизни, когда мы думаем о человеке одно, а он оказывается совсем иным, рассмотрим две сходные судьбы двух девушек – Татьяны Николаевны Гримблит и Татьяны Николаевны Стоговой, родившихся в 1903-м и в 1902 году. Татьяна Гримблит – дочь служащего акцизного управления, Татьяна Стогова – дочь генерала императорской армии, впоследствии возглавлявшего в эмиграции Общество офицеров генерального штаба.

Татьяна Гримблит была арестована в 1925 году за помощь заключенным и обвинена в контрреволюционной деятельности. В тюрьме она, отвечая на вопросы следователя и отвергая обвинения в контрреволюционной деятельности, сказала: «С 1920 года оказывала материальную помощь ссыльному духовенству и вообще ссыльным, находящимся в Александровском центральном, Иркутской тюрьме и Томской и в Нарымском крае. Средства мною собирались по церквям и городу как в денежной форме, так и вещами и продуктами. Деньги и вещи мною посылались по почте и с попутчиками, то есть с оказией»⁹. За помощь духовенству и ссыльным она была приговорена к трем годам ссылки в Зырянский край. Освободившись, она одному из епископов Русской Церкви, находившемуся в ссылке, в стиле, должном скрыть ее обеспокоенность возможным его арестом, писала: «Откликнитесь, солнышко милое. А то я беспокоюсь, не случилось ли с Вами чего недоброго. Напомните мне географию. Далеко ли Бирск от Уфы? Пишите мне, я уже крепко соскучилась о Вас, родной мой»¹⁰.

Татьяна Стогова была арестована в 1923 году за помощь епископу Белевскому Игнатию (Садковскому). Из тюрьмы она писала сестре, а через нее и другим своим сестрам:

«Ненаглядная, родная, дорогая моя сестричка... В Белеве меня допрашивали один раз, в Туле же два. Обвинения ужасные: контрреволюция, провокация, агитация... Главный обвинительный документ: мое прошение на имя Преосвященного... чтобы не оставил нашу паству, где говорится, что мы, Ваша паства, сумеем постоять за своего епископа, защитить его от всякого насильственного воздействия.

В последних словах видят главную контрреволюцию, якобы защита не от живогерцковников, а от советской власти... Провокацию видят в организации крестьян 9-и деревень вокруг Жабыни против “Живой церкви”... Меня пугают тем, что я буду караться строже всех в силу сословного происхождения, как генеральская дочь. Последний раз допрашивали меня два с половиной часа два следователя...: “Признайте, – говорит мне, – что епископ Игнатий контрреволюционер, и мы вас меньше покараем”. Я ответила: “Хоть десять лет буду сидеть, этой лжи не скажу, он глубоко верующий человек...”

Пока ехали в Тулу, владыке больному я была вроде няни, кормила, поила, укладывала и все передала, что нужно, на словах о допросах...

От имени владыки как-нибудь тайно скажите всем, чтобы твердо держались православия... Живоцерковников сторонитесь во всем. Один за ними грех... Простите все мои грехи вольные и невольные... Любите друг друга, и Господь вас будет любить... Не чуждайтесь людей. Будьте ласковы, общительны, и все вас будут любить, это главное. Уныние – грех. Молитесь за меня. Молитвы спасут от всего. Тоскую без нашей обители, без храма, такова воля Божия, надо потерпеть.... Говейте, причащайтесь. Молитесь за всех нас,

заключенных. Все пройдет, все мимо идет, бодритесь. Будьте достойны своего отца. Бог не оставит... Храни вас Бог, Христос с вами... Пришлите осеннее пальто, колпак, юбку и несколько кофточек. К Пасхе черные туфли, чулки, хочу быть приличной»¹¹.

Посланное сестрам письмо Татьяны ясно, ярко и точно отражает ее душевный настрой и христианскую позицию, когда принуждаемая к лжесвидетельству против епископа она говорит: «Хоть десять лет буду сидеть, этой лжи никогда не скажу, он глубоко верующий человек».

Татьяна Стогова в 1923 году была приговорена к одному году заключения в Соловецкий концлагерь.

Татьяна Гримблит в последний раз была арестована в 1937 году. Уже в то время, когда сотрудники НКВД были в доме, она нашла мужество написать письмо подруге, в котором вполне отразилось мирное состояние ее души. Она писала: «Ольга, родная, прости! Прибери все. Получи белье от Дуни. Белье прибери в коробку, которая под кроватью. Постель и одежду зашей в мешки... Когда меня угонят отсюда, то только через десять дней пошли все маме, известив ее сначала о моем аресте письмом. Напишешь письмо, а потом через пару дней шли вещи... Ну, всех крепко целую. За все всех благодарю. Простите. Я знала, надев крест, тот, что на мне, – опять пойду. За Бога не только в тюрьму, хоть в могилу пойду с радостью»¹². На допросе, в тюрьме, на вопрос следователя, признает ли она себя виновной в том, что вела антисоветскую агитацию, она отвечала: «Никакой антисоветской агитации я нигде не вела. На фразы, когда, жалея меня, мне говорили: “Вы бы лучше оделись и поели, чем посылать деньги кому-то”, я отвечала: “Вы можете тратить деньги на красивую одежду и на сладкий кусок, а я предпочитаю поскромнее одеться, попроще поесть, а оставшиеся деньги послать нуждающимся в них”»¹³.

22 сентября 1937 года тройка УНКВД по Московской области приговорила Татьяну Гримблит к расстрелу, она была расстреляна на следующий день и погребена в безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Татьяна Николаевна Стогова была арестована вторично, уже будучи замужем, в 1934 году, за переписку с отцом. Переписка имела бытовой, семейный характер и была вполне естественна в отношениях между отцом и детьми, когда обе стороны по независящим от них обстоятельствам оказались в бессрочной разлуке. За эту переписку Татьяна Николаевна 2 февраля 1934 года была приговорена тройкой ПП ОГПУ Московской области к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере и отправлена в Юргинское отделение Сиблага. 21 марта 1934 года она, находясь в лагере, написала заявление: «Я, гражданка Малахова Татьяна Николаевна, урожденная Стогова, отказываюсь от своего отца – Стогова Николая Николаевича, находящегося за границей в Париже, объявленного нашей Республикой вне закона и врагом народа, как от генерала, находящегося в рядах организаций, враждебных СССР, а также от всех родственников, поддерживающих связь с таковым. Клеймлю такового позором и заклинаю вечным врагом своей страны...»¹⁴. Это заявление не повлияло на ее судьбу, она была освобождена только в 1936 году и поселилась в Рязанской области. В 1946 году она подала заявление о снятии судимости, но ей в этом было отказано¹⁵.

Пункт второй. Вопрос о том, не был ли пострадавший обновленцем или григорианцем, то есть, имеет ли он препятствия канонического характера для включения его имени в Собор новомучеников и исповедников Российских, на первый взгляд кажется несложным, если только принадлежность его к обновленцам или григорианцам видна из самого исследуемого нами судебно-следственного дела. Однако, в большинстве судебно-следственных дел, в особенности 1937–1938 годов, в анкете лишь пишется, что человек был диаконом, священником или служителем культа, без уточнений.

Священник Василий Петрович Крылов, 1878 г.р. Родился в семье священника. По окончании Вифанской Духовной семинарии был рукоположен во священника к Покровской церкви Подольского уезда Московской губернии, где ранее служил его отец, к тому времени уже почивший. В 1931 году отец Василий был судим за неуплату налогов, но затем оправдан Верховным судом. В следующий и последний раз он был арестован 29 ноября 1937 года и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. На допросе он держался с завидным мужеством и отрицал все предъявляемые ему обвинения. 3 декабря 1937 года тройка УНКВД по Московской области приговорила его к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере¹⁶, и он был отправлен в БАМлаг. Из лагерного дела становится ясно, что отец Василий скончался 18 января 1938 года и, «согласно акта о погребении, похоронен на Чернышевском кладбище в деревянном гробу, в нательном белье»¹⁷. Таким образом, само дело не содержит никаких фактов, которые препятствовали бы внесению его имени в Собор новомучеников и исповедников Российских. Однако, дополнительными исследованиями было установлено, что он принадлежал к обновленцам¹⁸, и вопрос о включении его имени в Собор уже не стоял.

Протоиерей Иоанн Беляев, родился в 1872 году в семье священника. По окончании Духовной семинарии был рукоположен во священника, с 1934 года служил в Покровском храме в селе Богородское Вереяского района Московской области. Он был арестован 19 ноября 1937 года и заключен в можайскую тюрьму. Следователь настойчиво предлагал ему подписать протоколы допросов с признанием обвинений в контрреволюционной деятельности, что отец Иоанн категорически отверг. Следователь требовал назвать, какие контрреволюционные темы обсуждались на церковных собраниях, но в ответ священник сказал, что обсуждались лишь хозяйственные вопросы, а также заявление с просьбой к прихожанам его поддержать, чтобы власти разрешили в праздник Покрова ходить по приходу с молебнами. Следователь настаивал, чтобы священник признал, будто он говорил, что после конституции стали еще хуже притеснять; отец Иоанн ответил, что говорил лишь, что от конституции ждали, что разрешат ходить по приходу, но почему-то не разрешают. 25 ноября тройка УНКВД по Московской области приговорила священника к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере, где он 28 октября 1938 года скончался.

Вместе с ним в церковной сторожке жил оставшийся без прихода священник Валериан Смирнов, он родился в 1867 году в семье священника. Образование получил в Археологическом институте, впоследствии был рукоположен во священника. Когда он поселился в Покровском приходе, ему было уже почти семьдесят лет. Был арестован 19 ноября 1937 года и заключен в можайскую тюрьму. Во время следствия он признал, что, живя в сторожке, он действительно служил в Покровском храме, получив на это разрешение сельсовета, но все обвинения в контрреволюционной деятельности категорически отверг. 1 декабря 1937 года тройка УНКВД по Московской области приговорила его к расстрелу, и, спустя несколько дней, он был расстрелян и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Там же, в Покровском храме, служил псаломщиком Иоанн Фрязинов, 1882 г.р., сын священника; окончил Духовную семинарию. Был арестован 19 ноября 1937 года и заключен в можайскую тюрьму. На допросе он отверг все возводимые на него нелепые обвинения и 25 ноября 1937 года был приговорен к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

В деле¹⁹ нет никаких намеков, на возможные препятствия, заключающиеся в оклеветании других или в нравственных проступках. Однако дополнительными исследованиями выяснилось, что протоиерей Иоанн Беляев принадлежал к обновленцам и Покровский храм был обновленческим.

Пункт третий. Таким же препятствием канонического характера для включения имени пострадавшего священнослужителя является снятие сана. Причем, в судебно-следственных делах 1937–1938 годов это обстоятельство может быть совершенно не отражено. Священник написал соответствующее заявление о снятии сана, некоторое время не служил, а затем, скрыв этот факт от правящего архиерея, снова начал служить. О мотиве, почему он вновь присоединился к гонимому советской властью сословию, можно только догадываться. Нам известны и такие факты, когда священнослужители снимали с себя сан, писали заявление, характеризуя себя в нем людьми совершенно неверующими, но затем возвращались к служению принуждаемые к тому органами НКВД.

Однако, и снятие сана с продолжением дальнейшего служения далеко не всегда ограждало во время массовых репрессий от ареста и расстрела; причем, в последнем следственном деле 1937–1938 года мы можем и не найти никаких сведений о снятии сана, и часто надо предпринять некоторые усилия, чтобы это установить.

Священник Александр Дмитриевич Протопопов, 1875 г.р., женат, служил в Михаило-Архангельской церкви в селе Станиславль Подольского района Московской области. Арестован 28 января 1938 года и заключен в Таганскую тюрьму. На допросах отец Александр показал, что кроме богослужения он до 1933 года занимался сельским хозяйством, затем все свое хозяйственное имущество отдал в колхоз, так как знал, что все равно его отберут, был судим в 1933 году за невыполнение задания по семенной ссуде, но судом оправдан; избирательных прав был лишен «с начала советской власти до 1937 года как служитель религиозного культа»²⁰. Из этих его слов следует, что он служил священником во все время гонений при советской власти до самого ареста. На вопросы, признает ли он себя виновным в распространении клеветы против советской власти и советского правительства, он категорически отрицал свою вину, признавая только то, что действительно призывал своих прихожан чаще ходить в храм и организовать сбор средств для его ремонта, а также и то, что занимался активной религиозной работой, укрепляя старорежимный уклад в разрез с политикой советской власти, – как он выразился. 8 февраля 1938 года тройка УНКВД по Московской области приговорила его к расстрелу. Священник Александр Протопопов был расстрелян 17 февраля 1938 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой²¹. Исходя из этих данных, дело кажется совершенно ясным, и имя священника должно было быть включено в Собор новомучеников и исповедников Российских.

Но из предпринятых дополнительных исследований мы находим судебно-следственное дело, по которому отец Александр уже проходит свидетелем против арестованного в 1930 году иеромонаха Гавриила (Гура), служившего в то время в Успенской церкви в селе Левкиево Шаховского района. Из него мы узнаем, что священник Александр Протопопов начал служение в этом же храме и к 1930 году овдовел*. В показаниях против иеромонаха Гавриила он говорит о себе: «Я, Протопопов, отказался от сана священника с 1 ноября 1929 года...»²² А, говоря об иеромонахе Гаврииле, советует властям выслать того, как противника колхозов, за пределы района вовсе²³. Ясно, что вопрос о включении имени Александра Протопопова в Собор новомучеников и исповедников Российских отпал.

Приводим эти примеры для тех, кто, плохо представляя, что такое был для человека XX век и какие он документы оставил о человеке, спешит прославить всякого репрессированного на основании выборочных протоколов допросов или даже после ознакомления с одним или двумя судебно-следственными делами.

Пункт четвертый. Немалые трудности для изучения представляют из себя материалы, содержащие факты, которые мы относим к препятствиям нравственного характера для включения имени репрессированного священнослужителя или мирянина в Собор

* То есть, когда он был арестован в 1938 году, он был женат вторично.

новомучеников и исповедников Российских; причем в самом судебно-следственном деле может не оказаться прямых препятствий и не столько потому, что их нет в действительности, а потому что, как мы уже сказали, судебно-следственное дело часто представляет собой довольно скудный информационно источник, иной раз почти не раскрывая содержания жизни человека и его мотивации при тех или иных ответах следователю. Иногда арестованный человек противился подписывать показания со лжесвидетельствами против себя или против других людей по совершенно иным причинам, нежели нравственные, не потому, что стремился не нарушить заповедь «не лжесвидетельствуй», а потому, что, не лжесвидетельствуя против себя или других, оставлял себе иной раз единственный шанс на облегчение своей участи, возможность оправдаться перед следственными органами, и, если не сейчас, то хотя бы в будущем, на что арестованный все же надеялся, мало веря, что за этим арестом и не очень важными, кажется, обвинениями может последовать расстрел. Подписываясь же под протоколами с написанной следователем ложью, человек лишался и этого шанса, ибо, что он мог написать впоследствии в своем заявлении властям, если сам подписался под бумагами, в которых о нем говорится, как о контрреволюционере? Подписываться под показаниями со лжесвидетельствами было лишено всякого здравого смысла, оно свидетельствовало скорее о помрачении в тот момент сознания человека и о малодушии, когда человек изъявлял готовность идти по требованию следователя почти на любые поступки.

Следует особо оговориться, что мы не можем здесь сравнивать древних мучеников с новомучениками, так как древние мученики шли с верою на страдания из языческого неверия и соответствующего ему образа жизни, а новые мученики все были крещены, были членами Церкви от младенчества, многие из них в течение долгого времени проходили пастырский путь. И потому по-иному может оцениваться их отступление от заповедей Христовых и почти языческая жизнь.

Посмотрим на примерах, в каком противоречии находится иногда информация о жизни человека, данная в скудных сведениях судебно-следственного дела, с информацией из других источников, в частности, воспоминаний свидетелей событий.

Протоиерей Александр Виноградов, 1876 г.р., служил в Успенской церкви в селе Гжель Московской области, в 1930 году был арестован и приговорен к трем годам ссылки в Казахстан²⁴. По возвращении из ссылки стал служить в Никольской церкви в селе Амельфино Волоколамского района Московской области. 27 ноября 1937 года был арестован и заключен в Таганскую тюрьму. Следствие продолжалось менее недели. Во время следствия и единственного допроса, который был, по-видимому, сразу же после ареста, еще в Волоколамске, он не оговорил ни себя, ни других. 3 декабря 1937 года тройка УНКВД по Московской области приговорила его к расстрелу, и 8 декабря он был расстрелян и погребен на полигоне Бутово под Москвой²⁵. Из судебно-следственного дела следует, что 27 мая 1936 года в тот же храм в село Амельфино был назначен служить иеродиакон Феодор Богоявленский. Из воспоминаний свидетелей того времени стало известно, что отец Александр жил вдвоем с супругой, детей у них не было, а сам он страдал от тяжелых запоев. Когда он приходил в таком состоянии в храм, имея намерение служить, притом, что служить он не мог физически, иеродиакон Феодор уговаривал его прилечь на лавку в алтаре, а прихожанам говорил: «Братья и сестры, помолитесь, наш батюшка очень заболел, служить не сможет, расходитесь с миром по домам до следующего воскресенья». Так продолжалось до ареста священника в 1937 году. Имя протоиерея Александра Виноградова после изучения всех обстоятельств его жизни не было включено в Собор новомучеников и исповедников Российских.

Михаил Глухов, 1906 г.р., псаломщик, с 1932 года исполнял обязанности казначея в храме в селе Подлипичье Дмитровского района Московской области, где его отец был

церковным старостой. Михаил принимал активное участие в церковных делах и в богослужении в качестве пономаря. 3 ноября 1937 года он был арестован и заключен в Таганскую тюрьму. На допросе Михаил открыто исповедовал веру во Христа, заявив следователю: «С церковью я связан в силу глубоких убеждений в Христову веру, убежден я в эту веру с малолетства и до настоящего времени. И эту веру я считаю истинно верой в Христа и Его учение»²⁶. Все обвинения в том, что он занимается антисоветской или контрреволюционной деятельностью, Михаил категорически отверг²⁷. Следователь заявил ему, что своим чтением и пением, а главное, молодостью он привлекает молодежь к церкви; многие говорят, что вот, молодой, а читает и поет в церкви, а это и есть агитация, а потому надо его изолировать.

18 ноября 1937 года тройка УНКВД по Московской области приговорила его к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Михаил был сослан в БАМлаг на станцию Буря, ему тогда шел тридцать второй год. По прибытии на место он стал писать письма домой. Во все время, когда он был в лагере, родственники посылали ему посылки и деньги, так что он не пользовался лагерным пайком, и даже предлагали приехать в лагерь и добиться с ним свидания. Материальное их положение вполне позволяло им совершить такую поездку. Но он категорически отказался от приезда к нему близких, желая только одного – освобождения из лагеря. Это желание стало рефреном ко всем его письмам. Почти весь год, что он пробыл в лагере, он ни при каких условиях не желал ни дня оставаться в неволе, словно забыв, что многие и многие христианские мученики и исповедники как древние, так и нового времени, почитали мученичество высшей наградой. Он, словно по апостолу Павлу, только в этой жизни, стремясь устроить ее, возлагал свою надежду на Христа. Сотни людей его окружали, как и он, ложно обвиненных в различных не совершенных ими политических преступлениях, были даже люди из его родных мест. Желание получить свободу, нежелание ни дня находиться в заключении, глубокое уныние, сопровождавшее все дни его заключения, в конце концов, подорвали силы молодого и здорового человека. Осенью 1938 года его родным сообщили, что он скончался в лагере. Факты переживаемого им во все время его заключения глубочайшего уныния, отрицания о себе Божией воли и даже протеста против нее не позволили включить его имя в Собор новомучеников и исповедников Российских.

В некоторых случаях, подобных вышеприведенным, исследование выходит за пределы тех сведений, которые содержатся непосредственно в судебно-следственном деле, однако, иногда характеристики нравственного порядка находятся и в самом следственном деле. Возникает вопрос – соответствуют ли эти характеристики действительности?

Псаломщик храма в Шатурском районе Московской области Иван Лебедев служил в храме до его закрытия в 1924 году, а после закрытия продолжал, как показывают свидетели, посещать другой храм в соседнем селе. 5 ноября 1937 года он был арестован и заключен в Таганскую тюрьму. На допросе отрицал все возводимые на него обвинения. Следователь зачитал показания свидетелей, но и их, как ложные, псаломщик категорически отверг²⁸. 19 ноября тройка УНКВД по Московской области приговорила его к расстрелу. 21 ноября 1937 года Иван Лебедев был расстрелян и погребен на полигоне Бутово под Москвой. В деле есть сведения, которые по недоверию вообще к содержащейся в судебно-следственных делах информации вполне можно было подвергнуть сомнению, что псаломщик привлекался к ответственности за кражу государственного и церковного имущества. Что имеется в виду, учитывая те годы и то, что храм был закрыт, из следственного дела не ясно. Однако, предпринятыми дополнительно исследованиями было установлено, что псаломщик после закрытия храма действительно воровал из храма и у своих соседей, и вообще вел жизнь далекую от благочестия. Имя псаломщика не было внесено в Собор новомучеников и

исповедников Российских, несмотря на то, что жизнь его окончилась насильственной смертью.

Когда исследователь изучает то или иное дело, он думает, что знает, с чем он столкнется в деле. Фактически, как и в жизни, никто по совести не может сказать, с чем он столкнется, когда будет читать документы.

Священник Михаил Храмцов, из крестьян, 1883 г.р. С 1903-го по 1916 год был учителем церковно-приходской школы, в 1916 году был рукоположен во диакона, в 1934-м – во священника. 21 октября 1937 года отец Михаил был арестован и заключен в Алатырскую тюрьму. На допросах он не признал себя виновным, несмотря на свидетельские показания, которые ему цитировал следователь. 3 декабря спецтройка НКВД ЧАССР приговорила отца Михаила к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере²⁹, и он был отправлен в Вологодскую область, где скончался 4 января 1942 года.

При дополнительном исследовании, уже из лагерного дела выяснилось, что 10 сентября 1939 года священник был в лагере арестован за нанесение побоев заключенному и приговорен к пяти суткам карцера, факт редчайший для лагерных дел; это явилось препятствием для внесения его имени в Собор.

Конечно, можно сказать, что это выдумка врагов Церкви, и написано было в деле, чтобы оклеветать священника. Не входя в подробности, почему это было невозможно в принципе, можем вполне определенно сказать, что изучение многих судебно-следственных дел, анализ показаний, которые даются обвиняемыми или свидетелями, сравнение их со свидетельствами вне следственного или судебного процесса, показывают, что большинство нравственных характеристик, данных в судебно-следственных делах, относящихся к 1920–1940-м годам, вполне соответствуют действительности. Нравственные недостатки арестованного человека, обвинявшегося в противогосударственном преступлении, были слишком незначительны в соотношении с основным обвинением и, если и попадали в материалы дела через показания свидетелей или самого обвиняемого, то только потому, что составляли часть действительной жизни человека.

Пункт пятый. Отдельной и трудной для решения проблемой является следующая: изучая судебно-следственное дело репрессированного священнослужителя или мирянина, мы не знаем и в большинстве случаев не имеем и возможности узнать, не привлекался ли обвиняемый в качестве свидетеля против других. Следует здесь оговориться, что множество из свидетелей, ставших впоследствии обвиняемыми, отвечали, будучи свидетелями, весьма достойно, иной раз не только не оговаривая других, но и защищая их. Однако, во многих случаях психология обвиняемого и привлекающегося еще только в качестве свидетеля оказывается несходной. Привлеченный в качестве обвиняемого человек может стойко стоять на позиции непризнания ложного обвинения, потому что в данном случае нежелание его быть лжесвидетелем против себя или других совпадает с его собственными интересами, так как самооговор заведомо обрекает обвиняемого на суровый приговор без всяких надежд на его смягчение впоследствии. Вызванный же в качестве свидетеля человек иногда прямее показывает свою позицию: готов ли он свидетельствовать против близких, а часто это братья-священники или паства, или прихожанин о своем пастыре, или нет. Он начинает размышлять о том, свидетельствовать ли ложно против собрата и, может быть, в этом случае самому не подвергнуться искушению быть арестованным, или не свидетельствовать против другого, ставя своей целью исполнение Евангелия – не отдать человека своими свидетельствами на расправу гонителям. Нельзя забывать, что подавляющее большинство тех, о ком идет речь, кто был тогда обвиняем властями, не совершили никаких преступлений ни против власти, ни против личности другого человека, и в этом случае свидетельство против них всегда было ложным.

Но как разрешить этот вопрос на практике? Если судебное-следственное дело обвиняемого мы еще можем найти, его установочные данные есть в картотеке ГИЦ МВД и в картотеках областных управлений ФСБ, то найти дело свидетеля является задачей неосуществимой в принципе, потому что картотек свидетелей не существует вообще. То есть, почти каждый из арестованных потенциально мог быть одновременно и свидетелем против других, но его «свидетельское» дело мы не найдем через справочный аппарат государственных служб, потому что справочного аппарата, касающегося свидетелей, не существует. На практике это превращает задачу изучения материалов о пострадавших священнослужителях и мирянах с целью внесения их имен в Собор новомучеников и исповедников Российских в неисполнимую. Для того, чтобы ее исполнить, нужно, чтобы сам исследователь непосредственно в хранилище изучил весь фонд судебного-следственных дел области. Но это с 2006 года воспрещено целым рядом нормативных актов и методических установлений[†].

Такая работа по изучению судебного-следственных дел была осуществлена рабочей группой при Московской епархиальной комиссии по канонизации святых, спустя некоторое время после издания Указа Президента Российской Федерации «Об архивах Комитета государственной безопасности СССР» от 24 августа 1991 года № 82, определившего передачу архивов КГБ СССР в ведение архивных органов в целях предотвращения незаконного уничтожения документов и создания условий их использования для нужд науки и культуры. Был изучен фонд судебного-следственных дел УКГБ СССР по городу Москве и Московской области, состоящий из 98 064 дел, в котором оказалось около 2 270 дел, касающихся непосредственно священно- церковнослужителей и мирян.

Результатом проведенного исследования стало то, что треть новомучеников и исповедников Российских – более 500 человек – представлены Московской епархией – города Москвы и Московской области.

В то же время при изучении этого фонда выяснилось, что одни и те же люди по одним делам выступали как обвиняемые, а по другим как свидетели против других обвиняемых.

В процессе изучения всего комплекса судебного-следственных дел было просмотрено, например, дело³⁰ протоиерея Иоанна Березкина, благочинного Рузского района, служившего в Дмитровской церкви города Рузы Московской области. Он был арестован 28 ноября 1937 года и заключен в Таганскую тюрьму. Из находящейся в деле анкеты мы узнаем, что священник никогда не арестовывался и, следовательно, никаких иных, касающихся него судебного-следственных дел нет. На вопрос следователя, не занимался ли он контрреволюционной агитацией, священник четко и ясно ответил, что не занимался³¹. На вопрос, кого из знакомых он знает, с кем поддерживает отношения в городе Москве, он ответил, что может назвать только родственников, перечисленных в анкете, да еще

[†] В частности, такими, как: Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук, утвержденные приказом Минкультуры РФ от 18.01.2007 № 19; Методические рекомендации ВНИИДАД «Обеспечение доступа пользователей к документам государственных и муниципальных архивов Российской Федерации и организация пользования ими». - М., 2009. – 47 с.; Приказ Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 25 июля 2006 г. № 375/584/352 «Об утверждении «Положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов РФ прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел». - М., 2006. - 9 с.

учительницу немецкого языка, которую он знает давно и которая приезжает на дачу в город Рузу. После допросов свидетелей, тройка УНКВД по Московской области приговорила его к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере, где он скончался.

В результате просмотра всего фонда судебно-следственных дел области, было выявлено дело, по которому отец Иоанн вызывался свидетелем относительно подчиненного ему, как благочинному, священника, и здесь показал все, что требовал от него следователь³². На вопрос следователя, какие взгляды у арестованного НКВД священника на советскую власть и ее политику, отец Иоанн ответил, что арестованный священник настроен антисоветски и предъявлял к прихожанам требования, направленные против законов советской власти³³. Свои показания отец Иоанн подтвердил и на очной ставке. Обвиняемый священник был приговорен к трем годам ссылки, а через год был арестован сам отец Иоанн.

Псаломщик Троицкого храма города Коломны Александр Николаевич Мещанинов. Служил в храме с 1920 года и был арестован в разгар репрессий, 27 ноября 1937 года, и заключен в Таганскую тюрьму. На допросе 29 ноября он не лжесвидетельствовал ни против себя, ни против других, отрицал и показания против него лжесвидетелей³⁴. 3 декабря тройка УНКВД по Московской области приговорила псаломщика к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Из находящейся в деле справки, мы узнаем, что псаломщик Александр Мещанинов скончался в заключении 14 июля 1938 года³⁵. При просмотре всего фонда судебно-следственных дел выяснилось, что незадолго до своего ареста, в июле 1937 года, псаломщик Александр Николаевич Мещанинов вызывался в НКВД в качестве свидетеля и дал подробные показания о священниках, как хотел того следователь, назвав беседы, которые велись священниками, контрреволюционными³⁶.

Священник Валентин Костров, сын священника, 1881 г.р., служил в селе Коломенском Московской области, был арестован 1 декабря 1937 года и заключен в Таганскую тюрьму. На допросах он категорически отказался признать себя виновным, отказался признать вину, и когда ему были предъявлены показания свидетелей. Ему были названы имена священника и диакона, вместе с которыми он будто бы вел контрреволюционную деятельность. На это отец Валентин ответил, что никакой контрреволюционной деятельности с названными следователем священнослужителями он не вел, хотя и знал их «по день своего ареста органами НКВД»³⁷. 8 декабря 1937 года тройка УНКВД по Московской области приговорила священника Валентина Кострова к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере, откуда он уже не вернулся.

В процессе изучения всего фонда судебно-следственных дел было обнаружено дело, по которому в 1935 году были арестованы в качестве обвиняемых игумен Пантелеимон (Кунахович), диакон Иаков Ференц и монахини; все они были приговорены к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере. По этому же делу был привлечен в качестве свидетеля священник Валентин Костров. Выступая в качестве свидетеля, он совершенно в ином духе давал показания, нежели когда сам стал обвиняемым. Он показал, что и священник, и диакон «в своей церковной деятельности проводили антисоветское направление, открыто не выполняли существующие распоряжения советской власти»³⁸.

Вопрос о включении их имен в Собор новомучеников и исповедников Российских уже не стоял.

Пункт шестой. Если пятое условие, то есть, исследование всего судебно-следственного фонда области с целью включения имени пострадавшего священнослужителя или мирянина в Собор новомучеников и исповедников при существующем законодательстве становится мало исполнимым, то шестое условие – не являлся ли священнослужитель или мирянин секретным осведомителем НКВД – в обозримой перспективе времени является не исполнимым в принципе.

Поскольку основным документом, по которому составляется наше представление о подвиге мученика, является судебно-следственное дело, то нам следует уяснить, какие сведения мы должны получить о пострадавшем священнослужителе или мирянине, исходя из целей канонизации, и какие сведения мы фактически можем извлечь из судебно-следственного дела.

Важный пункт, который при включении имени священнослужителя или мирянина следует выяснить, – был ли человек секретным сотрудником органов ГПУ-ОГПУ-НКВД-МГБ – это едва ли не самый сложный вопрос. Сложность этого первостепенного вопроса для принятия решения о включении имени священнослужителя или мирянина в Собор обусловлена тем, что законодательство Российской Федерации не рассекретило комплексов архивных материалов, относящихся к оперативно-розыскной деятельности, а к ним относятся и дела секретных сотрудников. В соответствии со статьей 19 Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 18.07.2011) «О Федеральной службе безопасности», «сведения о лицах... оказывавших органам федеральной службы безопасности содействие на конфиденциальной основе, составляют государственную тайну и могут быть преданы гласности только с письменного согласия этих лиц и в случаях, предусмотренных федеральными законами».

Вопрос, может ли являться дело секретного сотрудника, писавшего донесения в 1930-х годах и затем пострадавшего от репрессий, государственной тайной, является, с точки зрения поставленной законодателем цели – сохранение государственной тайны – крайне спорным. Спорным не только по существу, то есть, могли ли эти донесения вообще содержать хотя бы какие-то элементы государственной тайны, но и с принципиальной стороны, с точки зрения государственной целесообразности существования столь мощного института осведомителей, каким он был в Советском Союзе.

Достигало ли государство целей обеспечения государственной безопасности, когда не в среде профессиональных преступников, а в среде вполне лояльных власти граждан искало осведомителей и объектами применения их деятельности делало частную жизнь таких же рядовых граждан? Мы не знаем ни одного вразумительного свидетельства эффективности такого рода деятельности. Мы не знаем никаких политических оппонентов и граждан, от кого бы грозила власти серьезная угроза в 1930–1940-х годах, которая была бы успешно предупреждена через наличие такого института секретных осведомителей среди весьма далекого в принципе от власти простого народа. Но зато знаем, что наличие такого института разрушило человеческий социум и явилось одной из причин гибели государства. В применении к нашему исследованию вопрос о том, являлся ли человек осведомителем в годы репрессий, а на языке морально-этичном – предателем своих собратьев, является для решения вопроса о канонизации вопросом решающим. И при этом вопросом совершенно закрытым на данный момент для исследователей.

Однако, следует сказать, что был период такого состояния фондов судебно-следственных дел, когда судебно-следственные дела на основании Указа Президента Российской Федерации от 23 июня 1992 года № 658 «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека»³⁹ почти вплоть до 2006 года повсеместно были доступны исследователям. Разумеется, за исключением прямых агентурных дел. Поскольку весь комплекс судебно-следственных дел (не агентурных) был «строго секретен» и «совершенно секретен», – эти материалы ранее были доступны только лицам, которые работали в той же системе, и потому в самих делах иногда оставалась прямая или косвенная информация о сотрудничестве человека с органами НКВД. Например, арестовали в годы массовых репрессий ценного секретного сотрудника НКВД; его высокопоставленный куратор вынужден был писать следователям НКВД и объяснять, почему этого человека необходимо

как можно скорее освободить. Его освободили, а бумага осталась в судебно-следственном деле в виде служебной записки. Никем никогда не предполагалось, что этот фонд будут изучать посторонние органам безопасности люди; поэтому в части дел в 1990-х годах еще сохранялись расписки осведомителей или переписка сотрудников НКВД, позволяющая такое сотрудничество установить.

Например, об арестованном священнике Каменском начальник секретного отделения Ярославского ОГПУ писал следователю, ведшему дело: «Св<ященника> Каменского, если не хочет работать[‡] – опросить и вместе со всеми остальными представить к высылке в Зырянскую обл., предварительно предъявив обвинение»⁴⁰.

Иногда в делах встречался такой документ: «Препровождается при сем постановление о предъявлении обвинения священникам Прозорову, Насонову и Пospelову. Постановление объявить и в последствии поименованных выше лиц, в порядке инкриминируемого им обвинения допросить каждого в отдельности... Предъявление им обвинения, допрос и задержание под стражу используйте в целях обработки их к завербованию в осведомители. В зависимости от чего меру пресечения им изменить, освободив из-под стражи под подписку о невыезде»⁴¹.

Бывало, что полу-допросы – полу-беседы во время следствия далеко выходили за пределы поставленных вопросов в рамках предъявляемого следствием обвинения и иной раз заканчивались соответствующими расписками, подобно такой: «разговор с уполномоченным... ОГПУ, имевший место в процессе следствия как занесенный, так и не занесенный в протокол, обязуюсь никому не разглашать в чем и подписуюсь»⁴².

В настоящее время церковный или светский историк, занимающийся историей прихода, историей епархии или историей Церкви в XX веке, что увидит в исследуемых им судебно-следственных делах? Он увидит, сколько раз священник данного прихода арестовывался, куда ссылался, исследует протоколы допросов, из которых почерпнет какие-то дополнительные сведения по истории прихода или по истории гонений, почерпнет, конечно, и о священнике сведения биографического характера. Но если он ставит цель – включение имени пострадавшего священника или мирянина в Собор новомучеников и исповедников Российских, то может случиться, что для выполнения этой цели он не получит почти никаких сведений или очень превратные. Современный исследователь иногда может и не догадываться, что не видит каких-то предметов, считая их поэтому как бы несуществующими. Причина этого невидения заключается в объективных внешних обстоятельствах – в неполноте предоставляемых комплексов документов, касающихся репрессий в XX веке. Эта неполнота и могущие произойти от нее ошибки в случаях, связанных с канонизацией, чреватые опасными последствиями.

В восприятии исследователей епархии, приславшей, например, материалы о священнике Александре Захарове, дело выглядит так. Священник Александр Захаров родился в начале 1880-х годов. В 1924 году был рукоположен во священника. В 1930 году был арестован за организацию противодействия властям закрытию храма и набатный звон. Приговорен к двум годам тюремного заключения и пяти годам ссылки. Ссылку отбывал в селе, где был в то время действующий храм, в котором он стал служить, став в нем настоятелем. Такой факт, если соотнести его с определенной эпохой, уже весьмастораживает. В 1935 году священник вернулся из ссылки и стал настоятелем храма, в котором служил до своего ареста.

Исследователи материалов пишут о нем на основании показаний свидетелей, что священник «проявил себя как истинный пастырь, заботившийся, прежде всего, о благе Церкви и паствы... При нем заметно активизировалась церковная жизнь села. Пастырские

[‡] Имеется в виду в качестве осведомителя.

труды батюшки привлекли в храм много молодежи, учащихся. В своих проповедях он призывал к укреплению православной веры, более частому посещению церковных богослужений, к усердной молитве. Говорил, что не нужно вступать в партийные и советские организации, принимать участие в различных общественно-политических мероприятиях, участвовать в выборах в Верховный Совет... “Я не боюсь никаких притеснений, и вы не должны никого бояться. Бог терпел и нам велел”⁴³, – говорил батюшка в одной и проповедей».

В сентябре 1938 года было заведено дело на членов «контрреволюционной кулацко-сектантской организации...», по которому обвинялись 89 человек. В том же месяце были арестованы еще более 30 человек, якобы участников «кулацко-сектантской организации», и среди них отец Александр. Их обвиняли в том, что они будто бы ставили перед собой цель свержения советской власти и восстановления в России монархического строя. На всех допросах и очных ставках отец Александр не признал себя виновным, хотя другие обвиняемые подписали все протоколы допросов и подтвердили свои показания на очных ставках. Следствие было закончено 4 апреля 1939 года, а подготовлено к рассмотрению в закрытом суде к 4 декабря 1939 года. Причем, материалы дела на отца Александра были выведены в отдельное производство.

Как показывает анализ судебно-следственных дел тех лет, выделение в отдельное производство дела того или иного обвиняемого зачастую свидетельствует о его тесном сотрудничестве со следствием, причем это сотрудничество в иных случаях начинается еще до ареста человека. Естественно, что сотрудничающий со следствием человек не будет признавать себя виновным, дабы суд имел более или менее законное основание прекратить дело и освободить его.

15 февраля 1940 года в закрытом судебном заседании отец Александр был признан невиновным и из-под стражи освобожден. Это произошло уже после того, как над другими обвиняемыми был приведен в исполнение приговор. Можно считать общеизвестным фактом, что в то время довольно много людей активно сотрудничало со следствием; будучи сами обвиняемыми, находясь с другими обвиняемыми в одной камере, они вели, в частности, с ними беседы, чтобы склонить их к линии поведения выгодной следствию. Каким образом можно было такого человека освободить после того, как все арестованные вместе с ним были расстреляны или приговорены к различным срокам заключения, чтобы на него не упала тень подозрения в сотрудничестве с НКВД? Только через «законное» рассмотрение дела, когда оно вместе с протоколами его допросов было выделено в отдельное производство и проведено через судебные или внесудебные органы, смотря по тому, какие действовали на тот момент.

Отец Александр вернулся домой больным туберкулезом легких и служил до весны 1941 года. Он скончался 4 июля 1941 года и был погребен на местном кладбище неподалеку от храма.

Мы приводим пример этого дела, чтобы показать, что сам по себе факт ареста, и даже нескольких, и поведение на допросах далеко еще не достаточны, чтобы быть уверенным, что священник был исповедником. В XX веке на людей излилось столь множество страданий, что и страдание страданию стало рознь.

Иногда фамилия осведомителя и данная ему агентурная кличка попадали в протокол допроса одного из обвиняемых. Так епископ Лука (Войно-Ясенецкий), будучи подследственным и пытаясь объяснить, почему у него не могло быть доверительных отношений с архиепископом Борисом (Шипулиным) и ташкентским протодиаконем, заметил, что архиепископ Борис своими лжесвидетельствами погубил несколько невинных, а о протодиаконе известно, что он является секретным осведомителем, и даже известна его кличка.

В то время, как бы осторожно ни вел себя осведомитель, всегда находились те, кто от него пострадал, и таким образом людьми довольно точно определялся виновник их страданий. Современники событий тех лет были значительно информированнее на этот счет, чем люди XXI столетия.

Когда протоиерей Николай Беневоленский начал служить в храме в Сергиевом Посаде, где настоятелем был протоиерей Федор Казанский, его сразу же приехали предупредить прихожане одного из храмов Можайска, где отец Федор служил раньше, что он очень опасный человек и принес людям много зла; и это протоиерей Николай смог в очень скором времени испытать на собственном опыте. К сожалению, потомки иногда могут узнать о почившем человеке только из некролога, который всегда звучит как прощение за грехи, желание покрыть немощь и даже откровенное зло; однако, его содержание не должно без тщательной проверки переноситься в историческое исследование, которое начинает звучать не соответствующим прошедшей действительности: «протоиерей Федор Павлович Казанский пользовался в Москве большим уважением и имел много друзей и почитателей – лучших свидетелей его доброго нрава и примерного образа жизни»⁴⁴.

Неисследованная, и даже хотя бы недоисследованная, история всегда порождает мифы, и потому чревата большими и трагическими ошибками.

О том, что человек являлся секретным осведомителем, иногда становится известно из самих протоколов допросов, чаще всего это бывает тогда, когда репрессивные органы решают пожертвовать осведомителем. После изучения фонда судебно-следственных дел города Москвы и Московской области перед нами выстроился целый ряд секретных осведомителей, тех, кто служили в таком качестве до конца и кем в годы массовых репрессий – 1937–1938 – НКВД решил пожертвовать, и поэтому их деятельность как секретных осведомителей попала в протоколы допросов и вообще в том или ином виде в следственные дела – они уже были НКВД не нужны. Теперь многие из этих документов закрыты, согласно статье 14 «Положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел», утвержденной 25 июля 2006 года: «При выдаче пользователю прекращенных уголовных и административных дел... документы, содержащие не предназначенную для ознакомления информацию, вкладываются в конверты, которые прошиваются и опечатываются бумажной печатью архива таким образом, чтобы была исключена возможность несанкционированного доступа к ним. Возможность несанкционированного доступа к персональным данным лиц может быть также ограничена путем предоставления пользователю копий, в которых часть информации, содержащая персональные данные лиц, изъята».

Таким образом, в настоящее время документы с такими сведениями вложены в пакеты, запечатаны и не доступны исследователям. И мы можем читать протоколы допросов обвиняемого в контрреволюционных деяниях священника, где он держится вполне мужественно и достойно, категорически отказываясь подписываться под лжесвидетельствами, а через десять страниц, в запечатанном уже в настоящее время пакете, в другом протоколе допроса находится подробное изложение, кто завербовал священника для работы в НКВД, с каким из сотрудников НКВД он был связан, и как один сотрудник НКВД сменял другого. Причем, из первого протокола допроса нельзя сделать даже косвенный вывод о существовании второго.

Фактически Федеральный закон о государственной безопасности, как он звучит в настоящее время, предполагает наличие государственных секретов в деятельности органов государственной безопасности с конца 1917 года, что является абсолютным препятствием для изучения судебно-следственных дел с целью включения новых имен в Собор

новомучеников и исповедников Российских. Эти же препятствия ясно сформулированы и в вышеназванном Положении, не допускающем ни в каком виде ознакомления ни исследователей, ни родственников репрессированных с делами и фактами в них, которые свидетельствуют о сотрудничестве человека с органами ЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ. Но может ли Церковь по этому поводу печалиться? Нисколько. По той хотя бы причине, что в то время, когда хоть какая-то исследовательская деятельность была еще возможна, Русская Православная Церковь прославила более 1 700 новомучеников и исповедников, представителей от каждого чина – архиереев, иереев, диаконов, монахов и мирян. Этот Собор святых Русской Православной Церкви торжествующей разве что с трудом ныне может охватить и вместить Церковь воинствующая.

¹ УФСБ РФ по Вологодской обл. Д. П-14826. Т. 6, л. 83.

² УФСБ РФ по Белгородской обл. Д. 332.

³ Там же. Л. 16.

⁴ АП РФ. Ф. 3, оп. 56, д. 17, л. 211–214.

⁵ Священник Владимир Русин. Я за веру готов умереть. Жизнеописание священника Никиты Котенева. Издание Свято-Покровского храма. С. Кунье, 2011. С. 19.

⁶ УФСБ РФ по Белгородской обл. Д. 332, л. 19.

⁷ Там же. Л. 18 об.

⁸ Священник Владимир Русин. Я за веру готов умереть. Жизнеописание священника Никиты Котенева. Издание Свято-Покровского храма. С. Кунье, 2011. С. 20.

⁹ УФСБ РФ по Томской обл. Д. 11803-П, л. 8.

¹⁰ Мученица Татиана (Гримблит). Мне бы жизнь за Тебя положить. Стихотворения. М., 2006. С. 8.

¹¹ УФСБ РФ по Тульской обл. Д. П-11295, л. 175–177.

¹² Мученица Татиана (Гримблит). Мне бы жизнь за Тебя положить. Стихотворения. М., 2006. С. 48–49.

¹³ ГАРФ. Ф. 10035, д. П-78635, л. 19.

¹⁴ Там же. Д. 32236, л. 140.

¹⁵ Там же. Л. 163.

¹⁶ Там же. Д. П-17340, л. 20.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Ф. 5263, оп. 1, д. 1149, л. 24–25.

¹⁹ Там же. Ф. 10035, д. 20814.

²⁰ Там же. Д. 19812, л. 14 об.

²¹ Там же. Л. 20–21.

²² Там же. Д. 49069, л. 21.

²³ Там же. Л. 21 об.

²⁴ Там же. Д. П-49364.

²⁵ Там же. Д. 19525, л. 18–19.

²⁶ Там же. Д. П-33051, л. 9.

²⁷ Там же. Л. 10.

²⁸ Там же. Д. 19120, л. 8. об.

²⁹ РГУ «Госистархив Чувашии». Ф. Р-1669, оп. 3, д. 2678.

³⁰ Там же. Д. П-14743.

³¹ Там же. Л. 7.

³² Там же. Д. П-43321.

³³ Там же. Л. 30.

³⁴ Там же. Д. П-28316, л. 12.

³⁵ Там же. Л. 17.

³⁶ Л. 21–23.

³⁷ Там же. Д. П-18845, л. 21.

³⁸ Там же. Д. П-77093, л. 62.

³⁹ Генеральная Прокуратура РФ. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Часть I. Курск, 1999. С. 5.

⁴⁰ УФСБ РФ по Ярославской обл. Д. С-4947, л. 44.

⁴¹ УФСБ РФ по Пензенской обл. Д. 7885, л. 105.

⁴² УФСБ РФ по Ярославской обл. Д. С-4947, л. 81.

⁴³ ГААСО. Ф. 1, оп. 2, д. 7738, л. 67.

⁴⁴ Иерей Сергей Матюшин. Священное Ваганьково. М., 2007. С. 92.